

УДК 811.162.1 '373.22

Н.И. Зубов, д-р филол. наук, проф.,Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова,
кафедра теории и практики перевода**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ РУССКИХ И УКРАИНСКИХ
ПЕРЕВОДОВ СТАНИСЛАВА ЛЕМА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОЛЬСКИМ
ОРИГИНАЛОМ**

Статья посвящена проблеме перевода на украинский и русский языки характерной лексики цикла «Кибериада» С.Лема, что позволяет сделать выводы об истории формирования лексики украинского литературного языка, своеобразия этой лексики и русско-польских межъязыковых векторов её формирования. Кроме того, наблюдения над ошибками и недостатками конкретных случаев перевода обращают внимание на вопросы мастерства перевода с близкородственных языков.

Ключевые слова: цикл «Кибериада» С.Лема, польский язык, украинский язык, русский язык, лексика, перевод.

Объектом внимания в данной статье избран научно-фантастический цикл путешествий знакового польского писателя-футуролога Станислава Лема, произведение которого многократно переводилось в СССР. С учётом тематической направленности организованной кафедрой славистики Гданьского университета конференции («Славяне в путешествии») в основу рассмотрения положено «Путешествие первое, или Ловушка Гарганциана» из цикла «Кибериада» - (*Wyprowa pierwsza, czyli pulapka Garganjana*. Иер. - А. Громовой) [9]. К обоснованию такого выбора напомним слова самого Ст.Лема о том, что одни путешествия могут совершаться в пространстве, другие - во времени. Поэтому всегда можно вернуться назад, туда, где ещё никакого путешествия не было, и куда-нибудь отправиться. Итак, отправимся с исходной точки.

«Кибериада» - это цикл рассказов, объединённых темой особой вселенной, где персонажами выступают роботы. В избранном для анализа рассказе речь идёт о двух героях цикла - конструкторах по имени Трурль и Клапауциус, для которых, по словам Ст. Лема, создавать или гасить звёзды - всё равно что щёлкать орешки. Оба имеют диплом Перпетуальной Омnipотенции с отличием и по долгу службы должны оказывать помощь народам Вселенной. В этот раз они попадают на планету с двумя милитаризованными империями, готовящимися к войне на взаимное уничтожение. Каждый из героев отправляется к одному из самодержцев, где, соответственно, каждый из владык требует от них создать сверхмощное оружие для уничтожения соседа. По предварительной договорённости оба конструктора применяют так называемый *рецепт Гарганциана* и объединяют с помощью электрических вилок и розеток солдат-роботов каждой из армий отдельно в два космически мыслящих мозга. Суть ловушки Гарганциана в том, что Космос по определению лишён воинственности, а поэтому объединённая в одно космически мыслящее целое армия станет образованием сугубо мирным и воевать не станет. Так и произошло: армии побратались, а самодержцы остались посрамлёнными.

Учитывая чуть ли не прямую аллюзию Ст. Лема на непримиримое противостояние именно в то время двух военных блоков - стран НАТО и стран Варшавского

пакта, важно обратить внимание на даты. Польский оригинал «Семи путешествий Трурля и Клапауция» («Кибериада») выходит в печати в 1965 г. (Stanislaw Lem. *Cyberiada*. Wydawnictwo Literackie, Krakow, 1965). Первый украинский перевод, осуществлённый Верой Авксентьевой, публикуется в Киеве в 1968 г. издательством «Дніпро» - издательством, вполне подконтрольным негласной советской цензуре и всё же беззаветно старающимся по возможности сохранить украинскую идею. Современный львовский журналист, украинский общественный деятель, историк, переводчик, исследователь польско-украинских отношений Андрей Павлишин (родился во Львове в 1964 г. в семье украинцев, высланных из Польши в ходе операции «Висла») недавно охарактеризовал этот перевод как блестящий и такой, в котором можно найти исконные украинские слова, что редко случалось в переводах того времени. Причём переводчице удалось «протащить», как выражается журналист, харьковское правописание [3].

Второй украинский перевод выходит в свет в 1990 г. в том же издательстве. [Автор перевода Юрий Попсуенко, хорошо известный в украинских литературно-журналистских кругах, на тот момент возглавлял издательство «Молодь» - издательство в целом вполне комсомольского толка (и, безо всякого сомнения, жёстко контролируемое идеологическими службами и органами государственной безопасности), в которое он пришёл в 1967 г. почти сразу после окончания в 1964 г. КГУ им. Т.Г.Шевченко. Надо полагать, этот переводчик *volens nolens* оказался в тисках этого контроля. Видимо, и сам повторный перевод одного и того же произведения Ст.Лема на украинский язык имел именно идеологическую подоплёку.

Заметим в связи с этим, что шестидесятые годы до их середины знаменуют для Украины пик деятельности украинских шестидесятников - когорты национальной интеллигенции, проявившей себя во времена хрущёвской оттепели и разгромленной как явление к началу 70-х годов. В начале этих же годов в СССР и особенно в Украине вплоть до развала СССР начинается период жёсткой русификации по всем направлениям. Достаточно сказать, что идеологическая доктрина тогда вдалбливалась в общественное сознание догмой о том, что в стране образовалась новая историческая общность людей - советский народ, где стираются национальные, культурные и языковые различия, а одним из главных конституирующих факторов этой общности является русский язык.

Если сопоставить с точки зрения этой диспозиции лексические особенности обоих украинских переводов в свете польского оригинала и соответственно русского перевода, то можно сделать массу открытий в связи с тем, как неуклонно работала в области национального языкового строительства советская идеологическая машина. Эта неуклонность сродни той, с какой преследует неугодного королю мудреца Арродеса кибернетическая машина-палач в повести Ст. Лема «Маска». И пусть наши открытия в целом являются достаточно предсказуемыми, но от этого их поучительная сила нисколько не умаляется.

Прежде всего обратим внимание на элиминацию в более позднем украинском переводе украинских слов, общих с польскими словами или отражающими некую общую с польским языком семантическую модель. Это обнаруживается уже в названии рассказа, где в соответствие польскому слову *wyprawa* (*Wyprawa pierwsza czyli Pulapka Gargemcjana*) в старшем переводе В.Авксентьевой (1965 г.) также использовано слово *виправа* (*Виправа перша, або Гарганціянова пастка*), тогда как младший перевод Ю.Попсуенко (1990 г.) обнаруживает слово *подорож* (*Подорож перша, або Гарганціянова пастка*) [6]. Надо сразу оговорить, что и это последнее слово имеет точное польское соответствие *podroz*. На первый взгляд никакой

проблемы нет - просто разные переводчики использовали разные синонимы. Но посмотрим на лексикографические толкования польск. *wyprawa* vers. укр. *виправа*. В словаре польского языка В. Дорошевского слово *wyprawa* толкуется как «*podróż, udanie się dokąd w celu naukowym, turystycznym, wojennym; potocznie z odcieniem żartobliwym: wycieczka, eskapada*» [8]. Итак, в иронически-интеллектуальный языковой регистр Ст. Лема это слово вписывается совершенно органически. Что касается укр. *виправа*, то в официальном идеологически препарированном академическом русско-украинском словаре 1969 года издания это украинское соответствие с пометой *воен. уст.* приводится к русскому *поход*. В таком же идеологически препарированном одиннадцатитомном словаре украинского языка находим спрятанное внутри словарной статьи толкование: *Відправлення, вирядження когонебудь кудись*.

А вот украинские словари, созданные к концу XIX в., в 20-е и к самому началу 30-х годов дают более полную картину: в словаре М.Уманца и А.Спилки русск. *вылазка* - укр. *Виправа* [5]; в словаре А.Никовского русск. *экспедиция* - укр. *Виправа* [2]; в словаре В.И.Войткевича-Павловича, Г.Д.Вовкушивского и др. русск. *командировка* - укр. *виправа, вирядження, надіслання* [4]; в словаре М.Дорошенко, М.Станиславского, В.Страшкевича русск. *отправление, отправка*-укр. *виряджання, вирядження, виряд (-ду), виправа* [1]. Итак, в известный период украинского национального развития слово *виправа* в значении «командировка; экспедиция; вылазка» представлялось как вполне обычное украинское слово.

Надо сказать, что названные словари отражают интенсивный период формирования как украинской лексикографии, научной прежде всего, так и собственно научной лексики украинского языка. Ситуация разительно напоминает ситуацию в те же годы в Польше, когда ярко проявили себя движения сообществ инженеров, когда формировалась польская национальная научная терминология [7]. Тогда в Польше процесс был прерван нападением фашистской Германии в 1939 г. и Второй мировой войной, но после войны процесс в общем восстановился. В Украине же национально ориентированная лексикографическая деятельность была остановлена сталинскими репрессиями к самому началу тех же 30-х годов. Прежде всего это был судебный фарс по сфабрикованному делу «Союза освобождения Украины», когда был полностью разгромлен Институт украинского научного языка в Киеве.

В сущности, Украина до сих пор не выправилась от того уничтожающего удара. Достаточно напомнить: Институт украинского языка появился в Украине впервые только в 1991 г. с обретением независимости; Украина так и не имеет новейшего академического издания толкового словаря украинского языка (пока что вышло пока 3 тома из заявленного 20-томного); Украина всё ещё не имеет в законченном виде академического этимологического словаря украинского языка; Украина, наверное, единственная из цивилизованных больших стран мира не имеет мало-мальски приличного национального языкового корпуса в сети Интернет.

В целом же возвращаясь к слову *виправа*, заключим, что в этом примере как бы сфокусирована советская система функционального подавления украинской лексики. Сегодня это слово ушло на столь далёкую периферию, что его использование отдаёт (для тех, кто его ещё помнит и понимает) либо архаикой, либо западноукраинским регионализмом. То, что речь идёт не о единичном факте, но о системе, подтвердим рядом табличных сопоставлений (в разрядку приведены непосредственно сопоставляемые слова).

Итак, элементарное сопоставление двух левых колонок и двух правых колонок таблицы со всей очевидностью показывает, что по одному и тому же поводу в

Польський оригінал (1965 г.)	Український переклад В.Актюгов (1968 г.)	Український переклад Ю.Попсуєнко (1990 г.)	Руський переклад А.Громовай (1967)
A jeśli będą nastawali gwałtownie?	А як гвалтом вимагатимуть?	А якщо вони особливо наполягатимуть?	А если они будут очень нажимать?
planety, nie za dużą i nie za małą, w sam raz	планети, не за велику й не за малу, а саме доречу	планети, не велику й не малу, а якраз підходящу	планету, не слишком большую и не слишком маленькую — в самый раз
Każdy z nas będzie gotów ją zastosować	Кожен з нас має бути готовий застосувати його	Кожен з нас має бути готовий вдатися до нього	Оба мы будем готовы применить этот рецепт
uraństwowienie zdrady stanu	удержавлення державної зради	надання офіційного статусу державній зраді	огосударствление измены государству
Nojnie szafował środkami	Гойно тратив він гроші	Щедро витрачав він гроші	Щедро швырял деньги
babka robiąca pończochę na drutach <...> druty okazały się kajdankami	бабуся, що плела на дротах панчохи <...> дроти виявилися кайданками	бабуся, що плела на спицях панчохи <...> виявилось, що спиці — то наручники	бабушка вязала чулок на спицах <...> спицы оказались кандалами
uśmieć	уквітчати	прибрати квітами	украсить цветами
laskawie pozdrowiał je ruchami ręki monarszej	і він ласкаво поздоровляв їх порухом монаршої руки	і він помахом монаршої руки ласкаво вітав їх	и приветствовал их мановением монаршей руки
Za próbę kontaktu z tatą sprzedawczykiem należała mu się gilotyna z trzeciej klasy	За спробу контакту з батьком-запродавцем йому належало бути гільотина з третього ступеня	За спробу контакту з батьком-запродавцем йому належало бути гільотинізованим третім ступенем	За попытку контакта с папой-продавцем полагалось гильотинирование третьего разряда
sasiad Turbuleona, król Emaliusz, napadł zreformowaną armią państwo cesarza i obroczył je w perzynę	сусід Турбулеонів, король Емалій, напав з реформованою армією на державу і обернувся її на попіл	Турбульйонів сусід, король Емалій, напав з реформованою армією на імперію Турбульйона і вщент розбив її	сосед Турбулеона, король Эмалиус, повел реформированную армию на его государство, которое и превратил в пепелище
miał siły ośmiokrotnie słabsze	сили мав в осьми раз слабші	маву вісім разів менше війська	армия <...> была в восемь раз меньше
Konstruktorzy <...> wzięli się chylkiem do pakowania materiałów	Конструктори <...> взялися кралькома пакувати матеріали	Конструктори <...> почали нишком пакувати речі	Оба конструктора <...> начали украдкой упаковывать вещи

первых двух доминируют украинско-польские лексические сближения, тогда как во вторых двух доминируют украинско-русские сближения.

И здесь надо обратиться к вопросу, который наверняка довольно болезненно воспримется некоторыми ревнителями кристаллической самобытности украинского языка. То, что точные русские соответствия украинским словам активно внедрялись в украинский язык за счёт разных идеологических приёмов и приёмчиков и что всякое не похожее на русское украинское слово-синоним в таких случаях вытеснялось на функциональную периферию, факт общеизвестный. Сегодня именно такие слова-синонимы более или менее успешно возвращаются в активное употребление, а тем самым украинский язык в известной мере дистанцируется от лексических сближений с русским языком. Но, с другой стороны, эти функционально возрождаемые украинские слова очень часто имеют совершенно точные польские соответствия. Наш небольшой лексический материал в пределах всего лишь одного маленького текста показывает это со всей очевидностью. А это как бы льёт воду на мельницу тех украинофобов, которые считают украинский язык реализацией либо австро-венгерского проекта середины XIX века, либо утверждают, что украинский язык украинцам вообще придумали поляки. В том и болезненность вопроса, тем более, что сегодня российский домен сети Интернет просто наводнён подобными глупостями.

На самом деле проблема гораздо более глубокая и гораздо более интересная. Разумеется, украинский язык тогда (как и сейчас) был на острие внимания противостоящих политических сил Европы: Российская империя, опасаясь украинского сепаратизма, в какой-то момент решила радикально ограничить функционирования украинского языка (Валуевский циркуляр 1863 г. - польское восстание в самом разгаре! - и Эмский указ 1876 г.), тогда как идеология автрославизма, появившаяся с 40-х гг. XIX в. в Австрийской империи и просуществовавшая в габсбургской Австро-Венгрии вплоть до Первой мировой войны, оставляла определённую нишу для развития украинского языка в его западноукраинском варианте Галичины - об этом, в частности, свидетельствует и лексикографическая практика того времени. В этом отношении совершенно интересна серия словарей австрийской Комиссии юридическо-политической терминологии для славянских языков Австрии (среди её деятелей назовём известнейшего слависта П.И.Шафарика): серия показывает чёткую установку на унификацию лексики этих языков. Всего один пример: среди синонимов к переводу нем. *Universität* предлагались хорв. *sveučilište*, словен. *vseučiliše*, сербск. *свеучилиште*, украинск. *всеучилище* - в украинском языке это название не закрепилось. Заметим, однако, что семантическая модель нем. *Hochschule* «высшая школа» успешно адаптировалась всеми языками в геополитической зоне немецкого языка - в русском, сербском и хорватском, словенском, чешском, венгерском.

Завершая этот небольшой экскурс, заметим по адресу ярых украинофобов (они, как правило, дилетанты и совершенно не ориентируются в языкознании), что судить о языке в целом только по части его лексики нельзя. Иначе современный английский язык с его огромным пластом французских заимствований (до четверти или даже больше общеупотребительного лексического состава) надо было бы называть реализацией норманнского проекта XI века. Соответственно корейский язык с его 60% *ханчао* (так называются в нём китайские заимствования) или японский язык с тем же процентным содержанием в нём *канго* (так называются заимствования из китайского), причём научная терминология в японском почти вся китайского происхождения, следовало бы назвать реализацией китайского проекта. На самом

же деле облик языка определяется прежде всего его грамматическим строем — и в этом отношении самобытность украинского языка неуязвима.

Завершив социолингвистическую часть наших наблюдений, заметим, что было бы несправедливым не обсудить некоторые общепереводческие аспекты в связи с качеством перевода в анализируемых текстах. Очевидно, оценка такого качества — это дело вкуса, уровня знания языков и личного языкового опыта того, кто берётся давать оценку. Заметим, например, что оценка Андреем Павлишиным перевода Веры Авксентьевой как блестящего имеет право быть. Тем не менее, сегодня язык этого перевода слегка отдаёт регионализмом из-за использования лексики, давным-давно вытесненной на функциональную периферию. Из-за этого перевод воспринимается в регистре региональной разговорности. Это, в свою очередь, затеняет интеллектуальную составляющую ироничности и юмора польского оригинала. Тем не менее, образность и оценочность для подготовленного в украинском языке читателя здесь прочитывается хорошо. На этом фоне перевод Ю. Попсуенко выглядит, по нашему мнению, несколько техническим и редуцированным в языковой образности.

Наконец обратим внимание на вещи совершенно доказуемые в научном анализе — ошибки переводов. Одна из таких ошибок обнаруживается уже в первом предложении перевода В. Авксентьевой: *Коли Космос ще не був такрозпорядкований, як тепер*. В оригинале же читается: *Kiedy Kosmos nie był jeszcze tak rozregulowany jak dziś*. Итак, в Космосе когда-то был порядок, а теперь порядка нет — Космос разрегулирован. Это правильно передано и в переводе Ю. Попсуенко (*у Всесвіті не було ще такого безладдя*), и в русском переводе (*Космос ещё не был разболтан*). А вот слово *rozporządkowany* имеет как раз противоположное значение: *упорядоченный, распределённый в порядке*. Вот и получается в переводе В. Авксентьевой, что Космос теперь *приведён в порядок*, тогда как польский оригинал говорит о противоположном положении вещей.

В следующем случае В. Авксентьева ошибается в переводе слова *czworobok: pośród maszerujących czworoboków z lampasami i pomponami*. Это место переводчица передаёт так: *посеред вишівкуваних карет з лампасами і помпонами*. Разумеется, здесь надо употребить слово из военной терминологии *каре*. *Кареты с лампасами и помпонами* — это звучит нелепо.

Ещё в другом случае слово *śruby* «тиски для пыток» (*Szeroką miał naturę, ale rozrzutności nie pochwalał, dlatego specjalnym dekretem znormalizował wszystkie koły, pały, śruby, kluby i kajdany*) переводится у В. Авксентьевой как *гайки* (*спеціальним декретом нормалізував усі коли, палі, гайки, диби та кайдани*). Заметим кстати, что у Ю. Попсуенко перевод польск. *śruby* более точен — *гвинти*, но всё же не *шруби*, хотя слово известно украинскому языку! (ср. немецкий этимон *Schraube* «винт» для польского и украинского языков).

Оба украинских переводчика споткнулись на следующем месте: *zniósł wszystkie kary z wyjątkiem głównej*. Польское выражение *kara główna* имеет значение *смертная казнь, высшая мера наказания* (ср в русском переводе А. Громовой: *отменил он все наказания, кроме высшей меры*). В переводе В. Авксентьевой это место передаётся так: *він скасував усі кари, окрім найголовнішої*. Это в точности повторяется и в переводе Ю. Попсуенко. По смыслу такой перевод, очень похожий на кальку с русского языка (элатив *высший* = элативу *найголовніший*), как бы правилен. Однако, если учесть, что язык Ст. Лема характеризуется, по замечанию Марии Ендриховской, соединением космической терминологии с рыцарской лексикой [10], то всё же лучше было бы так: *Він скасував усі покарання, окрім к а р и н а*

голову (либо карі на горло), где несколько архаичный регистр украинских выражений очень хорошо соответствует духу польского текста.

Для всех трёх переводчиков незаметным камнем преткновения оказался перевод разных польских слов *kajdany* «кандалы» и *kajdanki* «наручники» - оба встречаются в анализируемом тексте. Слово *kajdanki* В.Авксентьева по сути ошибочно переводит как *кайдани* = русск. кандалы, а Ю.Попсуенко - как *наручники*. В целом этот последний перевод верен с точки зрения русского *наручники* (то есть *кандалы для рук*) = укр. *наручники*. И всё же в русском переводе А.Громовой видим перевод слова *kajdanki* как *кандалы*, что является скрытой ошибкой (слово *наручники* более точно в этом случае соответствует польск. *kajdanki*). А при этом оба украинских переводчика пренебрегли украинским словом *кайданки*, которое издавна есть в украинском языке и которое, кстати, сегодня вернулось в активный язык СМИ.

Не справились оба украинских переводчика с тем местом, где в польском оригинале сказано: *dywizja, nawet rezerwy wartajest wszystkich strategow*. Правильный перевод такой: *даже дивизия резервистов стоит всех стратегов*. Переводчики же восприняли, судя по всему, форму род. п. ж. р. *rezerwy* (при им. п. ед. ч. *rezerwa*) как форму им. п. мн. ч. *резервы* в свете русск. *резерв* - слово мужского рода. В результате получился перевод, одинаковый как у В.Авксентьевой, так у Ю.Попсуенко: *дивізія, навіть її резерв, варта всіх стратегів, укупі взятих*. Тонкость мысли оригинала оказывается утраченной, поскольку настоящий смысл польского текста такой: *даже резервисты* (обычно они нуждаются в восстановлении боевой выучки в сравнении с солдатами регулярной дивизии) *оказываются выше всех стратегов*.

В русском переводе А.Громовой также передано не точно: *дивизия, даже из резерва, стоит всех стратегов мира*. Дело в том, что *дивизия из резерва* - это полноценная боеготовая единица, тогда как *резервистов* надо ещё собрать и привести в боеготовый вид. В целом же всех троих переводчиков подвело невнимание к польским реалиям: *dywizja rezerwy* - это дивизия, которая в необходимых случаях быстро формируется из резервистов, в своё время предварительно заключивших соответствующий контракт (ср. к этому *żołnierz rezerwy* = *rezerwista*), но это не *резерв* боеготовой дивизии и это не боеготовая дивизия, которую держат *в резерве*.

Разумеется, если расширить сопоставления на весь текст переводов «Кибериады», то получится ещё больший объём фактического материала, который подтвердит очерченные в приведённых наблюдениях явления. Именно: с одной стороны, это весьма важная для истории формирования лексики украинского литературного языка проблема, касающаяся своеобразия этой лексики и русско-польских межъязыковых векторов её формирования. С другой стороны, наблюдения над ошибками и недостатками конкретных случаев перевода обращают внимание на вопросы мастерства перевода с близкородственных языков.

Список использованной литературы:

1. Дорошенко М., Станиславський М., Страшкевич В. Російсько-український словник ділової мови. - Харків: Держвидав України, 1930. - С. 124.
2. Ніковський А. Словник українсько-російський. - Київ: Горно, 1927. - С. 96.
3. Розмова про Стагіслава Лема у книгарні «Є». - Режим доступу: <http://lviv-online.com/ua/other/rozмова-pro-stanislava-lema-u-knyhami-e/>
4. Російсько-український словник правничої мови / Члени редколегії: В. І. Войткевич-Павлович, Г. Д. Вовкушівський та ін. Гол. ред. ак. А. Ю. Кримський. - Київ, 1926. - С. 77.
5. Русско-украинский словарь. Составили М. Уманець и А. Спилка. - Львов, 1893. - С. 137.

6. *Станіслав Лем. Кіберіада.* Київ, Дніпро, 1990 (с) Український переклад, Ю. Попсуенко, 1990. Перекладено за виданням: Stanisław Lem, *Cyberiada*, Krakow, 1972.
7. *Pilatowicz J. Ruch stowarzyszeniowy inżynierów i techników polskich do 1939 r. T. I.* - Warszawa: Wydawnictwo Retro-Art, 2003; *T. II. Słownik polskich stowarzyszeń technicznych i naukowo-technicznych do 1939 r.* - Warszawa: Zakład Poligraficzny PRIMUM, 2005.
8. *Słownik języka polskiego.* - T. 1-11 / Pod redakcją Witolda Doroszewskiego - Warszawa: PWN. - 1997 (Przedruk elektroniczny: Wydawnictwo Naukowe PWN 1997).
9. *Stanisław Lem. Cyberiada.* Авт.сб. «Непобедимый. Кибериада». Изд. «Мир», М., 1967.
10. *Jędrychowska Maria. Intertekstualne harce Stanisława Lema w 'Trzech elektrycznych' (i nie tylko) // Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Folia 20. Studia Historicolitteraria IV (2004).* - S. 97.

М.І.Зубов

Одеський національний університет імені І.І.Мечникова,
кафедра теорії та практики перекладу

ІЗ СПОСТЕРЕЖЕНЬ НАД ЛЕКСИКОЮ РОСІЙСЬКИХ ТА УКРАЇНСЬКИХ ПЕРЕКЛАДІВ СТАНІСЛАВА ЛЕМА В ЗІСТАВЛЕННІ З ПОЛЬСЬКИМ ОРИГІНАЛОМ

Резюме

Статтю присвячено проблемі перекладу українською та російською мовами характерної лексики циклу «Кіберіада» С.Лема, що уможливило висновки про історію формування лексики української літературної мови, своєрідність цієї лексики та російсько-польських міжмовних векторів її формування. Крім того, спостереження над помилками і недоліками конкретних випадків перекладу звертають увагу на питання майстерності перекладу з близькоспоріднених мов.

Ключові слова: цикл «Кіберіада» С.Лема, польська мова, українська мова, російська мова, лексика, переклад.

М.І.Zubov

Odessa I.I. Mechnikov National University,
Department of Translation

FROM OBSERVATIONS ON VOCABULARY RUSSIAN AND UKRAINIAN TRANSLATION STANISLAV LEM IN COMPARISON WITH THE POLISH ORIGINALS

Summary

The article is devoted to the translation of Ukrainian and Russian vocabulary typical cycle "Kiberiada" S.Lema, allowing conclusions about the history of the formation vocabulary Ukrainian literary language, vocabulary and originality of Russian-Polish interlanguage vectors of its formation. In addition, monitoring of mistakes and flaws of specific cases of transfer pay attention to the issue of skill transfer from closely related languages.

Keywords: cycle "Kiberiada" S.Lema, Polish, Ukrainian, Russian, vocabulary, translation.

Стаття надійшла до редакції 28.12.2013.